

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

Предлагаемая работа посвящена лингвокультурологическим проблемам, с которыми сталкивается языковая личность в процессе межкультурной коммуникации. Несмотря на большое количество работ, посвященных данной теме, она по-прежнему остается актуальной для современной лингвистики и все еще требует дальнейшего рассмотрения.

Основным компонентом процесса коммуникации, в том числе и межкультурной, является понимание сказанного, которое не повторяет, не дублирует высказывание говорящего, но создает свое представление, свое содержание. При этом и говорящий, и понимающий не остаются каждый в своем собственном мире; напротив, они сходятся в новом, третьем мире, мире общения: обращаясь друг к другу, они вступают в активные диалогические отношения [1]. При этом «понимание никогда не представляет собой завершенное статическое состояние ума. Оно всегда имеет характер процесса проникновения - неполного и частичного» [15,377].

Именно от степени и качества проникновения зависит, насколько успешной будет коммуникация. Необходимым фактором, в данном случае, является владение всеми участниками общим коммуникативным кодом, т. е. языком, который выступает в виде «системы общих когнитивных процессов, служащих индивидууму средством внесения ясности для окружающих и самого себя» [19,204].

В процессе повседневного общения с окружающими мы часто сталкиваемся с непониманием или недопониманием, которое имеет место даже при общении носителей одного языка и одной культуры, обладающих общенациональной концептуальной и языковой картиной мира. Это неумение найти «общий язык» не удивительно, ибо помимо общих представлений о мире, заложенных в инвариантную часть картины мира каждого индивидуума, последний также обладает и своим собственным видением окружающего и своим к нему отношением. Иными словами, при общности ядерных сфер картин мира коммуникантов, их периферийные сферы могут не совпадать, что и вызывает непонимание.

Совершенно очевидно, что в случае межкультурной коммуникации случаев непонимания гораздо больше. Их количество коррелирует с числом и качеством различий в языке и культуре индивидуумов, вступающих в межкультурную коммуникацию: чем больше различий, тем больше непонимания, т.к. тем меньше возникает точек соприкосновения в двух разных картинах мира: каждая культура, своеобразно моделируя свой «языковой образ мира», или семиотический код, выделяет, модифицирует и вербализует фрагмент действительности, что проявляется в значимых и выразительных средствах конкретного языка, способах номинации объектов и понятий

культуры, т.к. культура - это «не только материальное явление, которое состоит из вещей, людей и их поведения, это организация этих составляющих в сознании в определенную модель познания и интерпретации мира» [5, 8]. Иными словами, при наблюдении над представителем «не нашей» культуры мы будем понимать из его «благоприобретенных психических черт только такие, которые имеются и у нас, т.е. связаны с элементами культуры, общими ему и нам. Черты благоприобретенные, но основанные на таких сторонах его культуры, которые не находят себе эквивалента в нашей культуре, останутся для нас непонятными» [14, 75].

Р. Ленекер, разрабатывая основные постулаты когнитивной грамматики, настаивает на различии когнитивных способностей человека, носящих универсальный характер и вполне сопоставимых в разных культурах, с одной стороны, и структур знания, объективированных в конкретном языке и базирующихся на конвенциональной образности, свойственной культуре, с другой [20, 47 и далее]. Иными словами, языковая личность (носитель языка) исходит из членения мира, присущего его языку (и внутри последнего - его индивидуальности), поэтому, попадая в чужую языковую среду индивидуум естественно попадает и в чужой мир. Носители инокультурного компонента воспринимаются с точки зрения их несоответствия принятым у других народов нормам и обычаям, что «обозначает ситуации контакта культур как эмоциональные» [4, 50].

Современная англоязычная литература нередко обращается к теме иностранца, по своей воле или по воле обстоятельств оказавшегося в мире чужого языка и чужой культуры. Его коммуникативная деятельность с носителями местного языка при этом либо затруднена, либо исключена (если при общении отсутствует переводчик - звено в коммуникативной цепочке, перекодирующее передаваемое сообщение), т.к. общение как знаковое взаимодействие коммуникантов возможно лишь в том случае, если у коммуникантов существует общность знаний о реальном мире (энциклопедические знания) и о средствах общения (языковые знания) [13,4].

Из сказанного следует, что в процессе межкультурной коммуникации следует учитывать включение в национальную семиосферу самых разнообразных кодов, каждый из которых отличается своей спецификой сравнительно с аналогичным кодом другой национальной культуры. При этом может возникнуть так называемая «этноцентрическая реакция» - попытка судить обо всех группах людей с позиции исключительно только своей культуры [18, 580-582], что приводит к всплескам межкультурного непонимания - *intercultural clashes* [21].

Эффективность и глубина усвоения чужого языка (коммуникативного кода) иностранцем подчиняются действию ряда факторов как объективных (таких, например, как длительность пребывания в стране, принадлежность языков к одной или разным языковым семьям), так и субъективных (цель пребывания, психофизические характеристики личности и пр.) При этом

следует учитывать, что в формировании языкового поведения личности ведущую роль играет пространство: одной из фундаментальных и эволюционно ранних детерминант поведения человека является отмежевание «своего» пространства от окружающего [16, 320]. В подавляющем большинстве случаев именно пространство является основанием оппозиции **свой vs чужой**.

Одним из ярких примеров такой коммуникативной оппозиции являются так называемые *survival learners*, в частности, например, солдаты, в результате военных действий оказавшиеся на территории чужой страны, целью которых является обеспечение выживания в новых, преимущественно враждебных условиях.

Войны сопутствовали развитию человечества на протяжении всей его истории. Ни одна эпоха не обходилась без них, мелких междоусобных мировых. Естественно, чем масштабнее военные действия, чем большие силы и территории в них вовлечены, тем большее количество разных рас, этносов, культур и языков подвергаются непосредственному или опосредованному влиянию войны. В художественной литературе всех стран теме войны посвящены сотни произведений.

Как правило, они положительно представляют одну сторону военного конфликта - «наших», т.е. тех, чью сторону и точку зрения выражает автор. «Не наши» - чужие, враги, оккупанты, захватчики находятся на противоположном конце шкалы ценностей, и главная задача автора состоит в том, чтобы возвеличить «своих» и резко снизить образ «чужих»*.

Материалом предлагаемой статьи послужили англоязычные художественные произведения, посвященные теме Первой и Второй мировых войн. Их героями являются иностранцы, попавшие в чужую страну в рядах армий своих стран. Причем, если в романах «Прощай оружие» [26], «Дело чести» [22] и «Морской орел» [23] герои - американец, англичане и австралийцы - находятся в составе союзнических войск, то в «Мандолине капитана Корелли» [25] главный герой - представитель оккупационной итальянской армии. Однако, несмотря на эту политически принципиальную разницу, все эти персонажи имеют общую проблему, связанную как с незнанием языка страны, в которой разворачиваются описываемые события, так и традиций и обычаев местного населения.

Солдат иностранной армии в чужой стране неизбежно попадает под влияние ее культуры. В связи с тем, что культура представляет собой «как определенную форму общественного бытия людей, так и форму присвоения

*В этом смысле интересно сравнить, например, художественную прозу России и Франции, или Франции и Великобритании, посвященную Наполеоновским войнам.

личностью коллективного опыта» [2, 289], индивидуум, познавая ранее неизвестные ему факты, дополняет свои представления о мире, т.е. его картина мира обогащается новыми знаниями.

Как известно, языковое сознание реципиента может быть описано через его тезаурус и представлено в виде «фильтра, через который пропускается всякая поступающая к нему информация» [7, 201]. Последняя оседает там в виде концептов, «основных ячеек культуры в ментальном мире человека» [11, 51], после чего индивидуум может свободно оперировать ими.

Однако в случае, когда новый концепт еще недостаточно хорошо закреплен в тезаурусе языковой личности, его использование может быть затруднено. Например, персонаж забывает необходимое слово:

Burke was trying to remember the Greek word for water, but was still too tired, and the woman's knee was weighing in the small of his back (23, 23).

Еще пример:

He tried all the Greek he knew on the waiter but it didn't get them anywhere, so they went out (22, 98).

Либо он пытается воспользоваться невербальными средствами общения. Например, вернувшись домой, гречанка Пелагия, главная героиня романа «Мандолина капитана Корелли», встречает там итальянского офицера снабжения, пытающегося расквартировать офицеров штаба в домах местных жителей:

The plump officer smiled expansively, raised his arms in a gesture that signified, I would explain if I could, but I don't speak Greek,' and said, 'Ah, in a manner that signified, 'How delightful to see you, since you are so pretty, and I am embarrassed to be in your kitchen, but what else can I do?' (25, 199).

Следует отметить, что в случае полной коммуникативной неудачи, т.е. когда попытка общения заканчивается полным непониманием со стороны собеседника, факт неудачи, как правило, становится очевиден коммуникантам и они могут либо предпринять повторную попытку донести информацию до собеседника, используя другие языковые единицы, либо использовать невербальную форму общения для достижения желаемого результата:

"Get out of the jibs and away, " he said in Greek "Get out of them," he said in English (23, 116).

Willie was being dragged to his feet, "No, no, I do not wish, I do not, non, non " (24, 61).

В приведенных выше примерах, непосредственный адресант сообщения повторяет одну и ту же информацию дважды, используя различные коды, один из которых понятен адресату, что, в конечном итоге, обеспечивает коммуникативный успех разноязычных персонажей.

Коммуникация с носителями чужой культуры - это самый быстрый способ внесения той или иной коррекции в образ мира собеседника [10, 272]. Безусловно, для успешной коммуникации необходимым фактором является

владение обеими сторонами коммуникативным кодом, т.е. языком. Однако, зачастую этого недостаточно, ибо «всякий акт продукции речи или ее понимания, всякий акт семантизации не замыкается в пределах актуализованных смыслов произнесенных или написанных слов, но требует обращения к так называемым знаниям о мире» [9, 165].

Следовательно, языковая личность, не являющаяся носителем языка, на котором осуществляется коммуникация, и не обладающая достаточными знаниями о представляемом им мире, не может быть полноценным участником коммуникации, получая и передавая информацию либо в усеченном, либо в искаженном виде:

They stood around him. He thought carefully, and worked out the order of the thing more than before, and told them of it. In English it was not so apparent as a scheme as it was in Greek. Even he himself understood that (23, 178).

"You love England? "

"Not to well. I'm Scotch you see. "<...>

"But Scotland is England. "

<...> "Never. We do not like the English. "

"Not like the English? Not like Miss Barkley? "

"Oh, that's different. You mustn 't take everything so literally " (26, 44).

Иными словами, знания собственно вербального кода (т.е. языка) и правил его использования оказывается недостаточно для успешного общения с носителем языка, необходимо еще овладеть внекодowymi знаниями, т.е., тем, что принадлежит невербальным кодам культуры того лингвистического сообщества, для которого используемый язык является родным [6, 7].

Вне зависимости от поводов и целей пребывания в чужой стране, упомянутые персонажи имеют общую проблему, связанную с незнанием языка и культуры места их временного пребывания, что приводит к неадекватным результатам коммуникативного процесса. Для успеха межкультурной коммуникации необходимо включиться в процесс познания окружающего мира, даже чужого и враждебного. Именно в процессе общения и познания происходит взаимопроникновение культур*. Действительно, в языке, с одной стороны, находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры им пользующихся; с другой стороны, овладевая языком и, в частности, значениями слов, его носитель видит мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и принимает концептуализацию мира, характерную для соответствующей культуры. В этом смысле слова, заключающие в себе лингвоспецифичные концепты, одновременно «отражают» и «формируют» образ мышления носителей языка [17, 12].

* Хотя безусловным остается тот факт, что во время противостояния каждый народ старается сохранить свою культуру, обычаи и традиции незбылемыми, при том, что при поражении одной из сторон, победители пытаются насадить свою культуру и обычаи побежденным.

Язык при этом можно сравнить со своего рода «когнитивно-этнической вакциной», а сам процесс усвоения языка - «с когнитивно-этнической иммунизацией», через которую необходимо пройти каждому новому члену этнического сообщества. Самым важным результатом такой «иммунизации» является приобретение языковой личностью характерной для данного этноса когнитивной ориентации, приобщение ее к непрерывной культурной традиции данного народа [12, 47-48].

Иностранцами, находящимися в чужой стране, относительно легко усваивается безэквивалентная лексика. Например, лексемы, называющие предметы национальной одежды, блюда национальной кухни, национальные танцы, музыкальные инструменты и т.п., не требуют особой ментальной операции по сопоставлению обозначаемого концепта с тем, что уже имеется в индивидуальном тезаурусе иностранца, по той простой причине, что указанные лексемы представлены в чужом языке лакунами, и необходимость концептуальной «подгонки» отпадает сама собой.

Несколько сложнее обстоит дело с той огромной частью словаря, которая называется псевдоэквивалентной лексикой. В данном случае можно говорить лишь о совпадении семантических долей слов различных языков при несовпадении лексических фонов этих слов [3, 55 и далее]. Здесь приходится усваивать не только новый элемент языка, но и вписывать его в новую когнитивную сферу. Напр. греческое *kapheneion* многократно встречается в проанализированных текстах (Fa = 35), по форме напоминает интернационализм *café*, однако, его семантико-культурологическое наполнение не имеет одно/однозначного соответствия с указанным и общепринятым эквивалентом, ибо *kapheneion* для греков - это своего рода клуб, где собираются только мужчины, которые читают газеты, обсуждают новости, активно курят и только между прочим пьют кофе. Поэтому поступок героини, которая вошла в кафе в поисках отца - это нарушение общественных устоев, что непонятно иностранцу, привыкшему к иному отношению к посетителям кафе и назначению последнего.

Pelagia appeared at the door of the kapheneion, beckoning urgently to her father, and embarrassed by the knowledge that the presence of a female anywhere near to such a place was a worse sacrilege than spitting on the tomb of a saint (24, 64).

Подытоживая сказанное, отметим, что иностранцы, оказавшиеся на чужой территории в результате военных действий, помимо физических, психологических, политических, экономических проблем, которые рассматривают историки, социологи и авторы военных романов, неизбежно сталкиваются и с проблемами лингво-культурологическими, т.е. несовпадением двух картин реального мира, членимого и интерпретируемого посредством

человеческого восприятия в виде двух картин языка, творимого/сформированного человеком с точки зрения его физического и духовного (идеального) взаимодействия с окружающей средой [8, 14], что и обуславливает неизбежность коммуникативных неудач в процессе межкультурного общения.

Литература

1. Бахтін М.М. Висловлювання як одиниця мовленнєвого спілкування // Антологія світової літературно-критичної думки. - Львів: Літопис, 2002. - С.406-415.
2. Библер В.С. От наукоучения - к логике культуры. Два философских введения в XXI век. - М.: Политиздат, 1991. -413 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострано-ведение в преподавании русского языка как иностранного. - М.: Рус. яз., 1990.-246 с.
4. Воронін. Д.І. «Ми» та «Вони»: від моделі простору до моделювання структурної взаємодії (на матеріалі російської мови) // Мовознавство, 2003. -№5.-С. 50-55.
5. Григоренко Т.В. Концептуальне моделювання та мовна картина (на матеріалі етнокультурної термінології)// Актуальні проблеми менталінгвістики. - Черкаси, 2003. - ч. 1- С.7-11.
6. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. - 288 с.
7. Дридзе Т.М. Семиотический уровень как существенная характеристика реципиента // Смысловое восприятие речевого общения. - М.: Наука, 1976.-С.198-211.
8. Зеленько А.С. До питання про становлення лінгвістичного детермінізму (від структурної до когнітивної семантики). - Луганськ: Альма Матер, 1999.-203 с.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. - М.: УРСС, 1999.-263 с.
10. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. - М.: Лань, 2003. - 287 с.
11. Маслова В.А. Лингвокультурология. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2001.-208 с.
12. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Язык как проводник и носитель знания // Русский язык за рубежом. - 1997. - № 1-2. - С. 44-53.
13. Общение. Текст. Высказывание / Под ред. Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова.-М., 1977.-287 с.
14. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. - М., 1995. - 483 с.
15. Уайтхед А. Избранные работы по философии. - М.: Прогресс, 1990. - 603 с.
16. Файвишевский В.А. Биологически обусловленные бессознательные мотивации в структуре личности // Бессознательное: природа, функции и методы исследования / Под ред. А.С. Прагишвили и др. - Тбилиси: ГАНН, 1985. - Т. 4. - С. 302-340.
17. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. - М.: Языки славянской культуры, 2002.-224 с.

18. Bovee C.L., Thill J.V. Business Communication Today - N.Y., 1986. - 685 P.
19. Knoblauch C. Sprache und Sprechfähigkeit: sprachpsychologische Konzepte. - Tübingen, 1994. - 253 S.
20. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. - Stanford, 1987. - 528 p.
21. Smith Z. White Teeth. - Penguin Books, 2000. - 542 p.

Материал исследования

22. Aldridge J. Signed with their Honour. - Boston: Little, Brown and Company, 1942.-392 p.
23. Aldridge J. The Sea Eagle. - К.: Dnipro Publishers, 1973. - 280 p.
24. Barry S. A Long Long Way. - Faber &Faber, 2005. - 292 p.
25. Bernieres L. de. Captain Corelli's Mandolin. - L.: Vintage, 1999. - 534 p.
26. Hemingway E. A Farewell to Arms. - М.: Progress Publishers, 1969. - 320 p.